

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'1:165.194

С.Л. Попов

О СТАДИАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ИНКОРПОРИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ, РАЗРАБОТАННОЙ РАННИМ И.И. МЕЩАНИНОВЫМ: КОГНИТИВНО- ЭВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

*С.Л. ПОПОВ. ПРО СТАДІАЛЬНУ ТИПОЛОГІЮ ІНКОРПОРУЮЧИХ МОВ,
РОЗРОБЛЕНУ РАННІМ І.І. МЕЩАНИНОВИМ: КОГНІТИВНО-ЕВОЛЮЦІЙНА
ІНТЕРПРЕТАЦІЯ.*

У статті здійснюється когнітивно-еволюційна інтерпретація запропонованої раннім І.І. Мещаниновим стадіальної типології інкорпоруєчих мов. Основою когнітивно-еволюційного підходу є визнання існування когнітивно-еволюційного алгоритму «сприйняття → логічність мислення → логічність мови», де сприйняття може бути: 1) абсолютно правокульовим синкретичним, тобто цілісним, не таким, що дозволяє диференціювати ознаки; 2) значною мірою правокульовим поверхневим, тобто орієнтованим на найближчі, найбільш помітні, «такі, що лежать на поверхні», ознаки; 3) лівопівкульовим альтернативним, тобто орієнтованим на всі наявні ознаки. У статті підтверджується, що когнітивно-еволюційний підхід до стадіальної типології інкорпоруєчих мов раннього І.І. Мещанинова виявляє кореляції ступенів сприйняття з усіма чотирма стадіями, відображеними у цій типології. Перша – з аморфністю всього комплексу – стадія інкорпорування, за якої повністю відсутній будь-який його поділ, включаючи можливість появи хоча б якихось граматичних значень, корелює тільки з синкретизмом сприйняття без будь-яких проявів інших перцептивних ступенів. Друга стадія інкорпорування – зі зміною інкорпорованих комплексів за особою і часом – корелює в основному з синкретизмом і в деякій мірі з поверхневистю сприйняття, яка проявляється у найперших граматичних альтернаціях за суттєвими для дієслівності ознаками часу та особи. Третя стадія інкорпорування – з чітким синтаксичним поділом на два інкорпоруєчі комплекси, групи підмета і присудка, але зі збереженням інкорпорації всередині цих груп – корелює з відносно меншою, ніж на попередній стадії, мірою поверховості сприйняття й відносно більшою, ніж на попередній стадії, мірою альтернативності сприйняття. Четверта стадія інкорпорування – з паралельним існуванням інкорпоруєчих аналогів словосполучень у складі речень та повноцінних словосполучень при окремій згадці – корелює в малій мірі з синкретизмом і поверховістю сприйняття і значною мірою з альтернативністю сприйняття. Когнітивно-еволюційну обумовленість все більшої диференціації інкорпоруєчого ладу на кожній з виділених І.І. Мещаниновим стадій можна вважати цілком очевидною.

Ключові слова: інкорпорація, синтаксис, слово, словосполучення, речення, когнітивно-еволюційний підхід, сприйняття.

*С.Л. ПОПОВ. О СТАДИАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ИНКОРПОРИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ,
РАЗРАБОТАННОЙ РАННИМ И. И. МЕЩАНИНОВЫМ: КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.*

В статье предпринимается когнитивно-эволюционная интерпретация предложенной ранним И.И. Мещаниновым стадияльной типологии инкорпорируемых языков. Основой когнитивно-эволюционного подхода является признание существования когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность языка», где восприятие может быть: 1) абсолютно правополушарным синкретичным, то есть целостным, не позволяющим дифференцировать признаки; 2) в значительной мере правополушарным поверхностным, то есть ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки; 3) левополушарным альтернативным, то есть ориентированным на все имеющиеся признаки. В статье доказывается, что когнитивно-эволюционный подход к

стадиальной типологии инкорпорирующих языков раннего И.И. Мещанинова обнаруживает корреляции степеней восприятия со всеми четырьмя стадиями, отраженными в данной типологии. Первая – с аморфностью всего комплекса – стадия инкорпорирования, при которой полностью отсутствует какое-либо его разделение, включая возможность появления хоть каких-то грамматических значений, коррелирует только с синкретизмом восприятия без каких-либо проявления других перцептивных степеней. Вторая стадия инкорпорирования – с изменением инкорпорированных комплексов по лицам и временам – коррелирует в основном с синкретизмом и в некоторой мере с поверхностностью восприятия, которая проявляется в самых первых грамматических альтернативах по существенным для глагольности признакам времени и лица. Третья стадия инкорпорирования – с четким синтаксическим разделением на два инкорпоративных комплекса, группы подлежащего и сказуемого, но с сохранением инкорпорации внутри этих групп – коррелирует в относительно меньшей, чем на предыдущей стадии, мере с поверхностностью восприятия и в относительно большей, чем на предыдущей стадии, мере с альтернативностью восприятия. Четвертая стадия инкорпорирования – с параллельным существованием инкорпоративных аналогов словосочетаний в составе предложений и полноценных словосочетаний при отдельном упоминании – коррелирует в малой мере с синкретизмом и поверхностностью восприятия и в значительной мере с альтернативностью восприятия. Когнитивно-эволюционную обусловленность все большей дифференциации инкорпоративного строя на каждой из выделенных И.И. Мещаниновым стадии можно считать вполне очевидной.

Ключевые слова: инкорпорация, синтаксис, слово, словосочетание, предложение, когнитивно-эволюционный подход, восприятие.

S.L. POPOV. ABOUT THE STADIAL TYPOLOGY OF INCORPORATING LANGUAGES DEVELOPED IN EARLY WORKS OF I. I. MESHCHANINOV: COGNITIVE AND EVOLUTIONARY INTERPRETATION.

The article provides a cognitive and evolutionary interpretation of the stadal typology of incorporating languages proposed in early works of I.I. Meshchaninov. The basis of the cognitive and evolutionary approach is the recognition of the existence of a cognitive and evolutionary algorithm «perception → logic of thinking → logic of language», where perception can be the following: 1) absolutely right-hemispheric syncretic, i.e. holistic, which does not allow differentiation of features; 2) largely right-hemispheric superficial, i.e. oriented to the nearest, most noticeable features «lying on the surface»; 3) left-hemispheric alternative, i. e. oriented to all available features.

The article proves that the cognitive-evolutionary approach to the stadal typology of the incorporating languages in early works of I.I. Meshchaninov reveals correlations of perception degrees with all four stages reflected in this typology. The first one – with the amorphism of the whole complex – is the stage of incorporation, when there is no separation of the complex, including the possibility of occurrence of at least some grammatical values, only correlates with syncretism of perception without any manifestation of other perceptual degrees. The second stage of incorporation – with the change of incorporated complexes by persons and times – correlates mainly with syncretism and to some extent with the superficiality of perception, which is manifested in the very first grammatical alternations by the essential for the verb signs of time and person. The third stage of incorporation – with a clear syntactic division into two corporate complexes, the subject and predicate groups, but with the preservation of incorporation within these groups – correlates to a relatively lesser extent than at the previous stage with the superficiality of perception, and to a relatively larger extent than at the previous stage with the alternativity of perception. The fourth stage of incorporation – with the parallel existence of incorporated analogs of word combinations as part of sentences and full-fledged phrases with a separate mentioning – correlates to a small extent with syncretism and superficiality of perception and, to a large extent, with the alternativity of perception. The cognitive and evolutionary conditionality of the increasing differentiation of the incorporating structure at each of the stages identified by I.I. Meshchaninov can be considered quite obvious.

Key words: incorporation, syntax, word, word combination, sentence, cognitive and evolutionary approach, perception.

Как хорошо известно, Иван Иванович Мещанинов, в начальный период своей ученой деятельности ближайший соратник одиозного для советского языкознания, на четверть века приостановившего своей поздней научной деятельностью его официальное развитие Н.Я. Марра, в учении которого он тщательно отбирал не фантастико-гиперболизированный (вроде сводимости всех мировых языков к четырем корням *сал, бер, йон, рош*) контент и без ведома которого бесстрашно-рискованно (ибо за немарризм в те годы можно было пострадать вплоть до лишения свободы и жизни) предоставлял возможность не вписывавшимся в марризм талантливым лингвистам неафишированно заниматься интересными им исследованиями в руководимом им, созданном Марром Институте языка и мышления (его непосредственные преемники – ленинградский Институт лингвистических исследований АН СССР и московский Институт языкознания АН СССР), разработал стадиальную типологию языков, которая не была принята лингвистическим сообществом как не то чтобы совсем, но в весьма значительной мере бездоказательная (см., например, [16, с. 1]), с чем И.И. Мещанинов вынужден был согласиться, в дальнейшем став синхронистом и уже не вернувшись к диахронической идее стадиальности языков (см., например, известные обобщения его исключительно синхронических исследований в [11; 13]). В то же время некоторые известные лингвисты не стали высказываться о стадиальной концепции И.И. Мещанинова антагонистически. Например, В.З. Панфилов в «Послесловии редактора» к последнему посмертному труду И.И. Мещанинова не выносит оценочных суждений по поводу стадиальных его исследований, констатирует их наличие, нейтрально упоминая как «исследования по синтаксической типологии» даже такие марристски стадиальные по своей проблематике и потому весьма раскритикованные после развенчания марризма, как [9; 10; 11; 12; 8], и подчеркивает, что синхроническое в последующих исследованиях И.И. Мещанинова «не исключало и исторического подхода к языковым явлениям» [17, с. 286-287], чем, по всей видимости, сдержанно сочувствует диахронической направленности стадиальной концепции И.И. Мещанинова.

Целью настоящей статьи является когнитивно-эволюционная интерпретация предложенной ранним И.И. Мещаниновым стадиальной типологии инкорпорирующих языков.

Основой когнитивно-эволюционного подхода является признание существования когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики» (в дальнейших наших исследованиях – также фонетики и лексики), где восприятие может быть: 1) абсолютно правополушарным синкретичным, то есть целостным, не позволяющим дифференцировать признаки и, следовательно, категоризировать познаваемое; 2) в значительной мере правополушарным поверхностным, то есть ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, категоризация по которым чаще всего бывает ошибочной; и – нормативным – 3) левополушарным альтернативным, то есть ориентированным на все имеющиеся признаки, благодаря чему может быть определен признак, категоризация по которому корректна (подробнее об этом – см. [19, с. 5-105; 18, с. 64-142]). По нашему убеждению, данный подход обладает значительной объяснительной силой, поскольку позволяет объяснять причины когнитивной эволюции как человечества в целом, так и его языков в частности. О важности объяснительности говорил еще Аристотель: «Знать, что *есть*, и знать, *почему* есть, – это различное знание...» [2, с. 280]. Предполагающая вопросы типа «почему?» объяснительность является главным требованием лингвистического антропоцентризма вообще и когнитивной лингвистики в частности и в лингвистических исследованиях гармонично дополняет предполагающие вопросы типа «как?» требования структурализма [6, с. 25; 1]. Когнитивно-эволюционный подход позволяет объяснительно интерпретировать стадиальную концепцию И.И. Мещанинова.

Опираясь на данные прежде всего палеоазиатских, а также некоторых америндских, кавказских, банту и других языков, включая в качестве наиболее развитых, фоновых для его исследования языки европейские, фокусируя внимание на субъектно-объектной грамматике этих языков, И.И. Мещанинов тщательно выписал ступенчатую – стадиальную – лестницу, по которой грамматики указанных языков постепенно эволюционируют от ступени присущего инкорпорации неразличения субъекта, объекта и предиката до полного их различения по европейскому – номинативному – типу (сейчас не стоит акцентировать внимание на том, что номинативная конструкция имеется не только в европейских языках, но и, к примеру, в структурно весьма далеких от европейских языках сино-тибетских). Особую ценность этой типологии, по нашему убеждению, представляют тщательно выделенные и описанные автором стадии перехода от инкорпорации к неинкорпорации, по сути являющиеся стадиями внутри

самой инкорпорации. Напомним, что инкорпорацией принято называть «способ синтаксической связи компонентов словосочетания (частичная И.) или всех членов предложения (полная И.), при к-ром компоненты соединяются в единое целое без формальных показателей у каждого из них. Кол-во и порядок этих компонентов с обособленными лексическими значениями каждый раз обусловлены содержанием высказывания, а отношения между ними соответствуют отношениям синтаксическим. ... Такой инкорпоративный комплекс не сводим ни к слову (отличается лексико-семант. расчлененностью), ни к словосочетанию (морфологич. цельность)» [20].

Теперь именно с когнитивно-эволюционной точки зрения рассмотрим выделяемые И.И. Мещаниновым стадии инкорпорации:

1. Инкорпорирование с аморфностью всего комплекса: «Весь комплекс представляет собою сочетание двух и более неизменяемых основ в одном лексико-синтаксическом целом, в одном так сказать «слове», в котором одна из сочетающихся основ является стержневою и ставится в конце всего комплекса, уточняемая в своем значении другими к ней примыкающими основами», например (примеры даем в предлагаемых автором системном и функциональном переводах на русский язык) в северном (тундровом) диалекте юкагирского языка слова-предложения «олене-видение-человек», что означает «олень увидел человек», и «волко-олене-убивание», что означает «волк оленя убил» [10, с. 76].

Здесь прежде всего необходимо отметить, что избранный И.И. Мещаниновым способ презентации инкорпораций, с лингвистических позиций, является достаточно условным, поскольку в его комментарии речь идет о частях, абсолютно лишенных грамматических значений, включая их формальные показатели. Применяемая И.И. Мещаниновым условность заключается в отражении этих частей как существительных в формах прямых падежей единственного числа, существительных деривационно немотивированных (*олень, волк, человек*) и отглагольных (*видение, убивание*), и в представлении связей этих частей интерфейсами *-o-* и *-e-*. Автор делает так явно для облегчения понимания инкорпоративных комплексов, которые очень поразили (как пишут некоторые авторы – заворожили) открывших их и других, узнавших об этом позже, лингвистов. Но, разумеется, презентацию инкорпораций в виде сложных слов следует считать единственно возможной.

Прежде всего важно понимать, что особенно на этой, начальной, стадии инкорпорации их части носители языка как части синкретично не осознают – они осознаются таковыми лишь умозрительно препарирующими инкорпорации лингвистами, и в этом состоит большое заблуждение современных лингвистов, которые на первобытную ментальность проецируют свою собственную, современную, ментальность, вследствие чего видят в инкорпорированных языках то, чего носители этих языков воспринять не могут, поскольку присущая им планка восприятия выше синкретизма не поднимается. Докажем это двумя примерами.

Первый пример. Н.Н. Миклухо-Маклай, который, как известно, не был лингвистом, жаловался на трудности постижения языка папуасов: «Один и тот же предмет назывался различными лицами различно, и я часто по неделям не знал, какое выражение правильно. Сообщу здесь пример того, что со мною частенько случалось. Я взял однажды лист в надежде узнать название листа вообще. Туземец сказал мне слово, которое я записал; другой папуас, которому я предложил тот же вопрос и показал тот же лист, сказал другое название; третий, в свою очередь, – третье, четвертый и пятый называли предмет опять другими и различными словами. Все названия записывались, но какое было настоящее название листа? Постепенно я узнал, что сказанное сперва слово было названием растения, которому принадлежал лист; второе название означало «зеленый», третье «грязь», «негодное», потому ли, что я, быть может, поднял лист с земли, или потому, что лист был взят с растения, которое папуасы ни на что не употребляют. Так случалось со многими, очень многими словами» [14, с. 241-242]. Нам представляется, что на самом деле показанная в этой обширной цитате коммуникативная неудача обусловлена не столько отсутствием в этом папуасском языке (одном из многих папуасских, по структуре – инкорпорированных, причем в состоянии более чем столетней давности) обобщенного названия листа, сколько невозможностью отделить это название от тесно спаянных с ним других частей инкорпоративного комплекса, причем, что необыкновенно важно, невозможностью, вызванной вовсе не пониманием типа «я представляю это название внутри комплекса, но вот почему-то не могу его вычленишь», а невозможностью в принципе представить это название отдельно. Современному цивилизованному человеку со свойственной ему перцептивной альтернативностью (хотя и не без частотной поверхности, но уже

определенно без проявлений синкретизма) трудно понять, как можно не видеть части в многозвучном комплексе. Но принцип синкретичного восприятия в том и заключается, что при нем частей не существует – существует только целое.

Второй пример (в том числе позволяющий лучше понять пример первый). Вяч. Вс. Иванов вспоминал: «Индеец, учивший меня ирокезскому языку онондага, отказывался перевести на него с английского языка слово *tree* ‘дерево’, говоря, что морф со сходным значением есть только в составе глагольной формы» [5, с. 52]. Необыкновенно трудно поверить в то, что индеец мог ответить ученому именно так: «морф со сходным значением есть только в составе глагольной формы». Вероятнее всего, это интерпретация самого Вячеслава Всеволодовича, который считал возможным довести лингвистическому сообществу информацию о причине данного отказа именно таким – доходчивым для лингвистов – образом. На деле же этот индеец мог просто повторять ему в ответ инкорпоративный комплекс, в который неотъемлемо входит это понятие, из чего ученый и мог сделать обнародованный им вывод. Однако важно понимать, что, если бы этот индеец мог воспринять дерево отдельно, он назвал бы его как часть комплекса, но назвать его он не может, потому что отдельно его не воспринимает. Отказ этого индейца вычленив из инкорпоративного комплекса форму со значением «дерево» абсолютно идентичен описанным Л.С. Выготским и А.Р. Лурией отказам признать то, что в представлении человека просто не может существовать. Так, туземец, которого обучали одному европейскому языку, отказался переводить на него фразу *Белый человек убил шесть медведей* на основании его знания о том, что белый человек не может убить шесть медведей. Туземец, который по просьбе ученого считал воображаемых свиней, дошел до 60-ти и остановился, сказав, что дальше счет невозможен, поскольку в их деревне больше 60 свиней ни у кого нет [3, с. 98] (подобные отказы демонстрируют афатики, когда, к примеру, их просят сказать, что на улице плохая погода, в то время как на самом деле погода там хорошая). Аналогично и индеец, с которым беседовал Вяч. Вс. Иванов, не мог назвать отдельно то, что для него отдельно не существует. Из этого следует, что если индеец отказывается назвать дерево отдельной номинацией, то он не представляет себе ее существования как отдельной единицы. И в этом нет ничего удивительного, если подходить к когнитивным явлениям диахронически, то есть эволюционно, например если вспомнить о том, что до изобретения финикийцами звукового алфавита человечество даже не задумывалось о том, что употребляемые ими слова состоят из звуков, каждый из которых может быть представлен отдельно.

Из сказанного логически выводится, что отмеченные в определении инкорпорации представляющие «лексико-семантическую расчлененность» «обособленные лексические значения» и обычные для всех языков «синтаксические связи» (речь здесь обычно идет об атрибутивных, обстоятельственных, объектных синтаксических связях), очевидные для сторонних исследователей, но не очевидные для носителей инкорпорированных языков, реализуются в мышлении этих носителей подсознательно, и в этой подсознательности содержится залог того, что выход этих знаний на поверхность сознания – с соответствующим этому ментальному статусу различением отдельных, полнозначных, имеющих грамматические значения слов – неизбежен, поскольку такая неизбежность обуславливается естественной физиолого-когнитивной эволюцией человека: движением мысли из синкретичноцентричного правого полушария в обеспечивающее дифференциацию, обобщение и абстрактность мышления левое [4, с. 145-146], что в свою очередь обуславливается эволюцией восприятия от синкретизма = через поверхность – к альтернативности [19, с. 5-105].

2. Следующей выделенной И.И. Мещаниновым эволюционной стадией является инкорпорирование с изменением инкорпорированных комплексов по лицам и временам, то есть первым грамматическим значениям, которые ожидаемо оказываются глагольными, например (примеры даем в предлагаемых автором кириллической транслитерации и в системном и функциональном переводах на русский язык) чукотские конструкции «г-ача-каа-нмы-лен», что переводится как «жирного оленя убили» (префикс *лен* – показатель прошедшего времени), и «ты-мынгын-нто-ркын», что переводится системно как «я руки выходить действую», а функционально как «я вынимаю руки» (*ты* – показатель первого лица) [10, с. 77].

Как можно видеть, здесь намечаются две первые для синкретичной инкорпорации альтернативы: глагольный показатель альтернативного настоящему времени (ожидаемо) прошедшего (а не позже всех появляющегося во всех языках будущего [15, с. 535]) и местоименный показатель альтернативного безличности первого лица как активного –

самостоятельного – субъекта действия (а это, как известно, главный признак номинативного строя). Однако остальные признаки инкорпорации в этих примерах сохраняются, поэтому, с точки зрения эволюции восприятия, мы можем констатировать здесь в значительной степени поверхностное восприятие лишь двух отдельных, не связанных друг с другом, но очевидно обусловленных потребностями ситуативно различающей коммуникации (показанной в главной части инкорпоративного комплекса потребностью отделять прошлое от настоящего и показанной не в главной части такого комплекса потребностью выделения активного субъекта), возможностей выйти из синкретизма неразличения участников ситуации.

3. Следующей стадией эволюции инкорпорации И.И. Мещанинов называет инкорпорированные комплексы как части предложения: строй такого инкорпорирования, «который, в отличие от предыдущих, не образует цельного слова-предложения, но который представляет собою слитное сочетание отдельных слов. Не образуя каждый самостоятельного предложения, эти инкорпорированные комплексы дают таковое в своем сочетании. Указанные особенности позволяют видеть в них следующую ступень в развитии строя речи, когда сложная структура слова-предложения разбивается на составные части». Таково инкорпорирование в нивхском языке, например «этабольшесобака бегохороша» [10, с. 81-82].

На этой стадии становится очевидным распад инкорпоративного комплекса на две осознаваемые уже в качестве отдельных части: группу подлежащего («этабольшесобака») и группу сказуемого («бегохороша»). Само это распадение является надежным, эмпирически достоверным свидетельством полноценного альтернативного восприятия, но в указанных группах подлежащего и сказуемого, которые не разделяются соответственно на предмет и его определения (*эта большая собака*) и на действие и его обстоятельство (*хорошо бегаем*), сохраняется синкретизм. Поэтому, с когнитивно-эволюционной точки зрения, инкорпорацию такой стадии мы можем охарактеризовать как в меньшей мере, чем в предыдущем случае, поверхностное восприятие возможности различить участников ситуации с дифференциацией их по весьма заметному признаку предметности/процессуальности и неразличением их по признакам предметности и атрибутивности и процессуальности и атрибутивности.

4. Наконец последней стадией существования инкорпорации И.И. Мещанинов называет синтаксические комплексы, представляющие собой варьирование инкорпорации с синтаксическим сочетанием отдельных слов. Например, в колымском диалекте юкагирского языка понятие «большой олень» может выражаться инкорпоративным комплексом «большеолень» в составе предложения, но словосочетанием «большой олень» при отдельном упоминании [10, с. 93-94].

Как можно убедиться, здесь наряду с инкорпорацией «большеолень» в составе предложения существует еще невозможное на предыдущей стадии эволюции инкорпорации абсолютно альтернативное различение предмета и его определения «большой олень» «при отдельном упоминании». Данное «отдельное упоминание», с когнитивно-эволюционной точки зрения, важно тем, что оно впервые в ходе эволюции инкорпорации позволяет зафиксировать отдельное осознание носителями языка предметных и признаковых частей речи. На данной стадии на долю синкретичной инкорпорации приходятся лишь сочетания в составе предложений, но, по всей видимости, можно быть уверенными в том, что благодаря отдельному, а главное раздельному, упоминанию предметных и признаковых слов инкорпоративное употребление их в составе предложений является не более чем базирующимся на поверхностном восприятии привычно-инерционным.

В дальнейшем, по раннему И.И. Мещанинову, происходит в основном параллельное разделение изжившего себя инкорпоративного строя на строи поссессивный, эргативный, аффективный, локативный и номинативный [10, с. 127-198]. Однако в дальнейшем ученый пришел к взвешенному выводу, что все эти строи представляют собой конструкции одного – эргативного – строя [13, с. 47-48] (немного позднее к аналогичному мнению пришел другой известнейший диахронист – создатель контентиологической типологии языков – А.Г. Климов [7, с. 55]).

Таким образом, в статье показано, что когнитивно-эволюционный подход к стадияльной типологии инкорпорированных языков раннего И.И. Мещанинова обнаруживает корреляции степеней восприятия со всеми четырьмя стадиями, отраженными в данной типологии. Первая – с аморфностью всего комплекса – стадия инкорпорирования, при которой полностью отсутствует какое-либо его разделение, включая возможность появления хоть каких-то грамматических значений, коррелирует только с синкретизмом восприятия без каких-либо

проявления других перцептивных степеней. Вторая стадия инкорпорирования – с изменением инкорпорированных комплексов по лицам и временам – коррелирует в основном с синкретизмом и в некоторой мере с поверхностностью восприятия, которая проявляется в самых первых грамматических альтернативах по существенным для глагольности признакам времени и лица. Третья стадия инкорпорирования – с четким синтаксическим разделением на два инкорпоративных комплекса, группы подлежащего и сказуемого, но с сохранением инкорпорации внутри этих групп – коррелирует в относительно меньшей, чем на предыдущей стадии, мере с поверхностностью восприятия и в относительно большей, чем на предыдущей стадии, мере с альтернативностью восприятия. Четвертая стадия инкорпорирования – с параллельным существованием инкорпоративных аналогов словосочетаний в составе предложений и полноценных словосочетаний при отдельном упоминании – коррелирует в малой мере с синкретизмом и поверхностностью восприятия и в значительной мере с альтернативностью восприятия. Когнитивно-эволюционную обусловленность все большей дифференциации инкорпоративного строя на каждой выделенной И.И. Мещаниновым стадии можно считать вполне очевидной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. *Parerga* 2. Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 27–39.
2. Аристотель. Вторая аналитика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под ред. З.Н. Микеладзе. М.: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1978. С. 255–346.
3. Выготский Л.С., Лурия А.Р. *Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок*. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
4. Деглин В.Л. *Лекции о функциональной асимметрии мозга человека*. Амстердам-Киев: Женевская инициатива в психиатрии, Ассоциация психиатров Украины, 1996. 151 с.
5. Иванов Вяч. Вс. *Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с. (*Studia Philologica*).
6. Кибрик А.Е. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке)*. М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
7. Климов А.Г. *Очерк общей теории эргативности*. М.: Наука, 1973. 264 с.
8. Мещанинов И.И. *Глагол*. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. 198 с.
9. Мещанинов И.И. *Новое учение о языке. Стадиальная типология*. М.: Соцэкгиз, 1936. 344 с.
10. Мещанинов И.И. *Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения*. Л.: Учпедгиз, ЛО, 1940. 260 с.
11. Мещанинов И. И. *Номинативное и эргативное предложения. Типологическое сопоставление структур*. М.: Наука, 1945. 295 с.
12. Мещанинов И. И. *Члены предложения и части речи*. Л.: Наука, ЛО, 1945. 321 с.
13. Мещанинов И. И. *Эргативная конструкция в языках различных типов*. Л.: Наука, ЛО, 1967. 248 с.
14. Миклухо-Маклай Н.Н. *Путешествия* / Подготовили к печати И.Н. Винников и А.Б. Пиотровский. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 364 с.
15. Николаева Т.М. *Универсалии языковые* // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 535–536.
16. От дирекции Института языкознания Академии наук СССР // Мещанинов И.И. *Эргативная конструкция в языках различных типов*. Л.: Наука, ЛО, 1967. С. 1–2.
17. Панфилов В.З. *Послесловие редактора* // Мещанинов И.И. *Номинативное и эргативное предложения. Типологическое сопоставление структур*. М.: Наука, 1984. С. 286–289.
18. Попов С. Л. *Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект: Дис. ... докт. филол. наук*. Харьков, 2015. 453 с.
19. Попов С.Л. *Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография*. Харьков: НТМТ 2013. 150 с.
20. Скорик П.Я. *Инкорпорация* // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 193.

REFERENCES

1. Abaev V.I. Parerga 2. YAzykoznanie opisatel'noe i ob"yasnitel'noe. O klassifikacii nauk // Voprosy yazykoznanija. 1986. № 2. S. 27–39.
2. Aristotel'. Vtoraya analitika // Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomah. T. 2 / Pod red. Z. N. Mikeladze. M.: Izd-vo social'no-ekonomicheskoy literatury «Mysl'», 1978. S. 255–346.
3. Vygotskij L.S., Luriya A.R. Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok. M.: Pedagogika-Press, 1993. 224 s.
4. Deglin V.L. Lekcii o funkcional'noj asimmetrii mozga cheloveka. Amsterdam-Kiev: ZHenevskaya iniciativa v psihiatrii, Associaciya psihiatrov Ukrainy, 1996. 151 s.
5. Ivanov Vyach. Vs. Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 208 s. (Studia Philologica).
6. Kibrik A.E. Oчерки по обшчим i prikladnym voprosam yazykoznanija (universal'noe, tipovoe i specifichnoe v yazyke). M.: Izd-vo MGU, 1992. 336 s.
7. Klimov A.G. Oчерk obshchej teorii ergativnosti. M.: Nauka, 1973. 264 s.
8. Meshchaninov I.I. Glagol. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 198 s.
9. Meshchaninov I.I. Novoe uchenie o yazyke. Stadijal'naya tipologiya. - M.: Socekiz, 1936. 344 s.
10. Meshchaninov I.I. Obshchee yazykoznanie. K probleme stadijal'nosti v razvitii slova i predlozheniya. L.: Uchpedgiz, LO, 1940. 260 s.
11. Meshchaninov I.I. Nominativnoe i ergativnoe predlozheniya. Tipologicheskoe sopostavlenie struktur. M.: Nauka, 1945. 295 s.
12. Meshchaninov I.I. CHleny predlozheniya i chasti rechi. L.: Nauka, LO, 1945. 321 s.
13. Meshchaninov I.I. Ergativnaya konstrukciya v yazykah razlichnyh tipov. L.: Nauka, LO, 1967. 248 s.
14. Mikluho-Maklaj N.N. Puteshestviya / Podgotovili k pečati I.N. Vinnikov i A.B. Piotrovskij. T. 1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1940. 364 s.
15. Nikolaeva T.M. Universalii yazykovye // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. YArceva. – M.: Sov. Enciklopediya, 1990. S. 535–536.
16. Ot direkcii Instituta yazykoznanija Akademii nauk SSSR // Meshchaninov I.I. Ergativnaya konstrukciya v yazykah razlichnyh tipov. L.: Nauka, LO, 1967. S. 1–2.
17. Panfilov V.Z. Posleslovie redaktora // Meshchaninov I.I. Nominativnoe i ergativnoe predlozheniya. Tipologicheskoe sopostavlenie struktur. M.: Nauka, 1984. S. 286–289.
18. Popov S.L. Grammaticheskie varianty v russkom yazyke: kognitivno-evolyucionnyj aspekt: Dis. ... dokt. filol. nauk. Har'kov, 2015. 453 s.
19. Popov S.L. Kognitivnye osnovaniya evolyucii form russkogo sintaksicheskogo soglasovaniya: Monografiya. Har'kov: NTMT 2013. 150 s.
20. Skorik P.YA. Inkorporaciya // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. YArceva. M.: Sov. Enciklopediya, 1990. S. 193.

Попов Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор, профессор факультета русского языка Южнокитайского университета имени Сунь Ятсена (КНР). ORCID ID: 0000-0002-3257-6245. E-mail: sl.popov@yahoo.com

(Статья поступила в редакцию 2 сентября 2019 г.)

00, Бахмач Черниговской обл., ул. Европейская, 4.